

also minimizes the impact of the researcher on the results, with the possibility of a qualitative understanding of the text biographies maintained. This approach extends the cognitive potential of the biographical method as the ability to interpret individual cases, and get a complete picture of the society in the framework of various events.

Key words: biography, biographical method, life story, life history, narrative.

УДК 316.334:21+303.621.32

Дмитрий Миронович

Нарративизация религиозного опыта в (авто)биографических интервью

В рамках статьи в феноменологической перспективе рассматриваются возможности социологического анализа опыта религиозных переживаний. Предлагается концептуализация понятий «нарратив» и «нарративная идентичность», используемых в анализе религиозных (авто)биографий. Отмечается, что характер и состав религиозного опыта лишены универсального характера и тесным образом связаны с особенностями категоризации и интерпретации событий в каждой из религиозных традиций. В статье также предполагается, что в рамках определённой религиозной традиции или чётко очерченного религиозного сообщества существуют общие, разделяемые всеми нарративные образцы, которые описывают и предписывают те или иные модели и правила включения в религиозные сообщества. Исходя из этого, задачей исследователя выступает поиск подобных «официальных» образцов объяснений и схем аргументации в религиозном нарративе.

Ключевые слова: религиозный нарратив, нарративная идентичность, повествовательные сообщества, религиозное обращение.

«Как удержать ночные голоса ангелов в отрезвляющей повседневности жизни?»

Бергер П. Еретический Императив

Постановка научной проблемы и её значение. Важной характеристикой современного общества выступает процесс «биографизации, или биографической эмансипации» как конструирование различных и не всегда предсказуемых «Я» [4, 200–222]. Самоопределение в социальном контексте становится повседневной и постоянной задачей современного человека. Многообразная деятельность, по вписыванию себя в мозаику социальной реальности превращается в ежедневную биографическую работу по формированию собственной идентичности.

В данном контексте религиозный опыт и, в первую очередь, опыт религиозного обращения и последующая его нарративизация выступают как составляющие отмеченной биографической работы. Таким образом, **цель** статьи – рассмотрение опыта религиозного обращения «как стратегии социальной адаптации, связанной с потребностью поиска новых смыслов жизни в ситуации ценностной неопределённости» [5, 409–456], а также как процесса конструирования новой религиозной идентичности, через «привнесение» или «переход» религиозной составляющей в практике повседневного взаимодействия.

Наша **задача** – рассмотрение инструментария фиксации данного «перехода», позволяющего выявить влияние религиозного опыта на стратегии формирования индивидуальных «биографических проектов».

Анализ исследований этой проблемы. Религиозный опыт традиционно выступает неотъемлемой составляющей исследований религии в психологии, социологии, культурной антропологии. При этом, большинство авторов, работающих в рамках данной темы, разделяют тезис, сформулированный ещё в работах У. Джеймса [2], что именно религиозные переживания, а не сами по себе религиозные установки и убеждения, конституируют существо религии и религиозной жизни индивидов. У. Джеймс отказался от обсуждения онтологии религиозных и мистических переживаний, перенес внимание к проблемам их психологии. Именно в русле психологизма данная проблематика пребывала на протяжении большей части XX в.

Интерес к феномену религиозного опыта со стороны социологии во многом связан с именем А. Шюца и со становлением в 1960–1970-х гг. теоретико-методологического направления, по-

лучившого називає «соціологія повсякденності». Исходной аксиомой последней стало представление о существовании множества реальностей¹ или «предельных областей смыслов».

В соответствии с данным подходом мир повседневности является лишь одним из отмеченного множества. Существуют другие миры, которые ему некоторым образом соположны (сновидений, вымысла, художественного произведения, религиозного переживания). В них действует принципиально иная логика, которую А. Шюц называет «когнитивным стилем» [10, 18]. Поскольку миры замкнуты, значение имеет то, каким образом содержание одного мира «переводится» в другой. Для А. Шюца подобного «механизма перевода» не существует. Более поздние представители феноменологической социологии, будучи не столь категоричными в данном вопросе, основное внимание сосредотачивают на изучении процессов «перевода» содержаний мира повседневности в другие миры и анализе механизмов подобных переносов.

В отмеченном контексте мир религиозных переживаний и опыта предстаёт в качестве одной из специфических «предельных областей смысла» и может быть рассмотрен как единство взаимосвязанных религиозных знаний, убеждений и практик.

Изложение основного материала и обоснование полученных результатов исследования. В русле феноменологической традиции структуры опыта предполагают три измерения – практическое, аффективное и когнитивное². Это означает, что во всяком фрагменте опыта можно аналитически выделить действия и взаимодействия, переживания, ощущения и осмысление этих (взаимо)действий. Соответственно, в качестве критериев религиозности индивида может выступать степень проникновения маркированного религией пространства в область повседневной жизни. Она может находиться в диапазоне от номинальной религиозности до изменения повседневных практик [8]. В качестве инструмента фиксации данного «проникновения» или «перехода» традиционно выступают тексты нарративных интервью, которые позволяют «услышать» «неуслышанные» голоса и «увидеть» скрытые области мира религиозного опыта. Нарративизация субъектом своего религиозного опыта как конечной области смысла принимает форму «религиозной (авто)биографии».

Одно из определений нарратива в социологии – «разговор, специально организованный вокруг последовательных событий» [11]. Задачей исследователя является рассмотрение того, каким образом респонденты упорядочивают существующий опыт, как происходит селекция тех или иных событий и биографических фактов, какие лингвистические и культурные ресурсы используются при этом. Таким образом, нарративы выступают в качестве определённых репрезентаций. Они структурируют опыт восприятия, организуют память, сегментируют и целенаправленно строят каждое событие в жизни. В автобиографических конструкциях частная информация переплетается с более широким контекстом жизненного опыта.

Немецкий социолог Ф. Шутце выделяет четыре типа биографических нарративов. В контексте статьи интерес представляет стратегия, получившая название «биография как превращение». В рамках данного нарратива информант описывая свою жизнь, отмечает её переломные моменты (эпифании), которые он представляет, как ключевые события, способствующие его «перерождению». В результате конкретных неожиданных событий, сопряженных с сильными эмоциональными переживаниями, меняется, по словам рассказчика смысл его собственной жизни в результате изменения персональной системы ценностей [3, 549–558].

В нарративах сами механизмы жизнеописания предстают как составляющие биографической работы, результатом которой становится формирование нарративной идентичности. Под нарративной идентичностью принято понимать такие аспекты идентичности, которые отражаются и производятся в модусе автобиографической наррации [6].

Нарративизация религиозного опыта, как правило, так или иначе затрагивает ключевые события религиозной жизни индивида (обращение, воцерковленность, крещение и т. д.). При этом важная

¹ Впервые тезис о множественности относительно автономных (но подобных друг другу) миров обосновал У. Джеймс в работе «Принципы психологии» (1890) в двадцать первой главе «Восприятие реальности».

² Методика многомерного измерения С. Сальниковой также базируется на выделении составляющих компонентов религиозности, а именно: когнитивной (рациональной), поведенческой, эмоционально-мотивационной и оценочно-рефлексивной [7].

роль в создании индивидуальных биографических нарративов отводится публичным религиозным нарративам и нарративам, распространенным в ближайшем окружении.

Следует отметить, что свойственное первым теориям религиозного обращения акцентирование аффективной стороны религиозного опыта приводило к определённым методологическим трудностям. Во-первых, религиозные практики в данной перспективе рассматривались как вторичные по отношению к психологическому аспекту обращения; во-вторых, сам процесс обращения может изучаться лишь опосредованно, исходя из свидетельств переживших подобный опыт. Основная методологическая проблема, возникающая при попытках ответа на вопрос об индикаторах религиозного опыта, заключается в том, что практически всегда отсутствует возможность изучения состояния, «обращённого» до входа в группу. На это указывал Д. Бромли, говоря о «дилемме наблюдаемости», как о невозможности непосредственной фиксации религиозных переживаний.

Таким образом, можно говорить о двух параллельных процессах: во-первых, непосредственно о религиозном опыте как процессе, недоступном для внешнего наблюдателя; во-вторых, об изменениях в повседневных практиках, которые наблюдаемы, но выступают как следствие предыдущего опыта «сверхъестественного». При этом, как отмечалось выше, основными критериями данного опыта выступает степень проникновения маркированного религией пространства в автобиографический нарратив, свидетельством чего является процесс «адаптации риторики» к требованиям той или иной религиозной традиции. Лингвистические изменения и «адаптация риторики» через освоение языка группы являются важным инструментом формирования новой языковой картины и способом групповой идентификации для отделения себя от «чужих». Причём, усваивая речевые обороты и формы, существующие в группе, индивид продолжает их придерживаться и в своей повседневной практике. Эти лингвистические преобразования (использование религиозных терминов и понятий, апелляция к священным для группы текстам и источникам), включённые в нарратив, выступают своеобразными индикаторами принятия индивидом групповой идеологии.

Невозможно говорить о каком-либо универсальном характере религиозного опыта и переживаний. Эти переживания специфичны и могут значительно варьироваться в различных религиозных традициях. Можно предположить, что характер и состав религиозного опыта тесным образом связаны с особенностями категоризации и интерпретации событий в каждой из религий. Религиозные категории и способы интерпретации не просто выражают, но в значительной мере определяют, что и как переживает человек в повседневной жизни и религиозной практике [9].

Вместе с тем, в рамках определённой традиции или чётко очерченной религиозной группы существуют общие разделяемые всеми нарративные образцы, которые описывают и предписывают те или иные модели и правила включения в религиозные сообщества. Именно поэтому задачей исследователя является вычленение подобных «официальных» образцов объяснений и схем аргументации в религиозном нарративе.

В данной логике образ себя, или нарративная идентичность, возникает через перенимание канонических нарративов соответствующих групп, к которым индивид испытывает чувство принадлежности или к которым он институционально приписан. Соответственно, возможности индивидуального нарратива весьма ограничены. Таким образом, истории становятся разделяемыми не только вследствие общности индивидуального опыта, но и по причине возникновения нарративных паттернов вхождения в группу, которые создаются вследствие рассказывания и пересказывания других историй. Каждая история вносит свой вклад в создание этой общей нарративности.

П. Бергер отмечает, что как только религиозный опыт делается институционализированным фактом в пределах нормальной социальной жизни, его правдоподобность поддерживается теми же процессами, которые отвечают за правдоподобность любого другого опыта. По сути дела, это процессы социального согласия и социального контроля: опыт достоверен, поскольку все говорят или действуют так, будто он им является. Таким образом, нарративные сообщества (в нашем случае – религиозные группы) – это сообщества «разделяемых историй», которые служат как для внутренних консолидаций, так и для внешних.

В большинстве случаев анализ религиозных переживаний и опыта обращения в рамках различных религиозных традиций свидетельствует о том, что повествования организуются вокруг наиболее значимого для информанта события или, следуя Ф. Шутце, – «эпифании». Так, биогра-

фическая история распадается на время до обращения в новую религию, сам этап религиозного обращения и время после (как правило, с положительными коннотациями). Старая реальность, а также коллективы и значимые «другие», которые ранее были её посредниками, получают новую интерпретацию. Она, в свою очередь, привносит с собой определенные разрывы в индивидуальную биографию, которая начинает выглядеть как «до» и «после» обращения.

Как подчеркивают П. Бергер и Т. Лукман, всё, что предшествовало религиозному опыту, теперь видится как его подготовка, а всё, что следует за ним, возникает из этой новой реальности. «Отдельные аспекты прошлого удаляются, другие определяются по-новому, те, которые ранее были несовместимы, – соединяются» [1, 75]. Сам процесс биографической реконструкции непрерывен, при этом некоторые события автобиографии могут «забываться», а их место занимают другие, часто вымышленные.

В зависимости от коммуникативной ситуации индивид использует отдельные элементы своей «религиозной биографии» или воспроизводит её «от начала до конца». Этот «канон» может также опираться на предположение о том, что участники коммуникации понимают, что именно уместно при таком рассказе и может быть в него включено. В результате, у членов нарративного сообщества со временем вырабатывается устоявшийся текст своей религиозной биографии, который всегда можно задействовать.

Выводы и перспективы дальнейших исследований. Анализ религиозных переживаний связан с целым рядом методологических трудностей, обусловленных поиском надёжных индикаторов подобного индивидуального опыта. Классический позитивистский подход в социологии делает данную область практически недоступной для исследований, вынося её за границы своего феноменального поля. Вместе с тем, феноменологическая традиция в рамках социологии повседневности, предлагая свой инструментарий в виде нарративных (авто)биографических интервью, делает мир религиозного опыта доступным для анализа.

Нарративизация религиозного опыта приводит к конструированию религиозных биографий, в рамках которых в ходе последующего анализа и интерпретаций возможно выделение определённых маркеров проникновения религиозной составляющей в практики повседневной жизни. Неотъемлемой частью автобиографического нарратива становится формирование нарративной идентичности, а сама история жизни рассматривается как самоповествование идентичности. Вместе с тем, нарративная идентичность, формируемая в рамках определённого религиозного сообщества, оказывается ограниченной существующим набором «готовых форм» и интерпретационных моделей.

Источники и литература

1. Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М. : «Медиум», 1995. – С. 75.
2. Вахштайн В. Восприятие реальности: «правила Макнотена» и «Вторая жизнь» [Электронный ресурс] / В. Вахштайн. – Режим доступа : http://polit.ru/article/2013/01/28/ps_vakh_detective/
3. Здравомыслова Е. Анализ нарратива: возможности реконструкции сексуальной идентичности / Е. Здравомыслова, А. Темкина // В поисках сексуальности : сб. ст / под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. – СПб. : Изд-во Д. Буланин, 2002. – С. 549–558.
4. Здравомыслова Е. Анализ биографического нарративного интервью в исследовании идентичности / Е. Здравомыслова, А. Темкина // Социальная идентичность: способы концептуализации и измерения : материалы Всерос. науч.-метод. семинара / под ред. О. А. Оберемко и Л. Н. Ожиговой. – Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2004. – С. 200–222.
5. Ипатова Л. П. Современные особенности освоения православной религиозности / Л. П. Ипатова // Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики. – М. : РОССПЭН, 2008. – С. 409–456.
6. Рождественская Е. Ю. Нарративная идентичность в автобиографическом рассказе [Электронный ресурс] / Е. Ю. Рождественская. – Режим доступа : <http://ecsocman.hse.ru/data/2012/02/29/1269104473/Rozhdestvenskaya.pdf>
7. Сальнікова С. А. Багаторівневе моделювання як аналітична стратегія вимірювання релігійності / С. А. Сальнікова // Методологія, теорія і практика соціологічного аналізу сучасного суспільства : зб. наук. пр. – Вип. 16. – Х. : ХНУ ім. В. Н. Каразіна. – 2010. – С. 222–229.

8. Тупахина О. В. Религиозная биография как форма нарративизации жизненного мира верующих (на примере православных христиан) [Электронный ресурс] / О. В. Тупахина. – Режим доступа : http://jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2012_1/Tupakhina_2012_1.pdf
9. Улановский А. М. Изучение религиозных переживаний и дискурса (на материале исследования кришнаитов) [Электронный ресурс] / А. М. Улановский, А. Б. Матюхина. – Режим доступа : <http://www.hse.ru/data/2010/05/14/1217166239/Ulanovsky%20Matyukhina%20Religious%20experience.pdf>
10. Шюц А. О множественности реальностей / А. Шюц // Социологическое обозрение. – Т. 3. – № 2. – 2003 – С. 18.
11. Ярская-Смирнова Е. Р. Нарративный анализ в социологии [Электронный ресурс] / Е. Р. Ярская-Смирнова // Социолог. журн. – 1997. – № 3. – Режим доступа : <http://www.socjournal.ru/article/343>

Миронович Дмитро. Наративізація релігійного досвіду в (авто)біографічних інтерв'ю. У межах статті у феноменологічній перспективі розглянуто можливості соціологічного аналізу релігійного досвіду. Запропоновано концептуалізацію понять «наратив» і «наративна ідентичність», які використовуються в аналізі релігійних (авто) біографій. Відзначено, що характер і склад релігійного досвіду позбавлені універсального характеру й тісно пов'язані з особливостями категоризації та інтерпретації подій у кожній із релігійних традицій. Припускається, що в межах певної релігійної традиції або чітко окресленої релігійної спільноти існують загальні колективні наративні зразки, що описують та обумовлюють певні моделі й правила включення в релігійні спільноти. Отже, наративна ідентичність, що формується в певному релігійному середовищі, постає обмеженою набором «готових форм» та інтерпретаційних моделей, що існують у цій наративній спільноті. Саме тому завдання дослідника – пошук відзначених «офіційних» зразків інтерпретацій і схем аргументації в релігійному наративі серед різних релігійних традицій.

Ключові слова: релігійний наратив, наративна ідентичність, наративні спільноти, релігійне навернення.

Myronovych Dmytro. Religious Narratives in Life-History Research. In this article we attempt to clarify the methodological basis of sociological analysis of the phenomena of religious experience through the prism of phenomenological perspective. The author describes conceptual frameworks for understanding personal religious experience in terms of narrative, narrative identity, and life history. The author suggests that the nature of religious experience devoid of universal character and closely related with specific features of categorization and interpretation of reality in each of the religious traditions. The paper argues that a particular religious tradition or a clearly defined religious community use the common narrative patterns. These common narrative patterns describe and prescribe certain models and rules of community inclusion. That is why the researcher's task is the search of such «official» narrative models and patterns of argumentation in religious narrative.

Key words: religious narrative, narrative identity, narrative community, religious conversion.

УДК 316.303.09, 316.303.8

*Микола Сидоров,
Євген Білоус*

Підходи до аналізу даних із невідповідями

Суперечність між необхідністю аналізу невідповідей та відсутністю узагальненої інформації щодо розуміння природи виникнення різного виду відсутніх значень актуалізує розгляд основних методів аналізу невідповідей в емпіричних соціологічних дослідженнях. У межах цієї статті наведено класифікацію методів, порівняно недоліки та переваги кожного з урахуванням того, що методи аналізу невідповідей різняться механізмами їх реалізації й обумовлюються подальшим аналізом та інтерпретацією даних: або 1) видалити невідповіді й реалізовувати процедури аналізу даних, ігноруючи їх; або заповнити пропуски, використовуючи певний спосіб; 2) простих чи складних методів імпутовання даних; 3) зважування; 4) математичного моделювання. У межах цього дослідження наведено не тільки класифікацію методів, але порівняно недоліки та переваги кожного з них.

Ключові слова: невідповідь, відсутні дані, методи аналізу невідповідей, модель.

Постановка наукової проблеми та її значення. Соціологія як наука об'єктом свого пізнання має соціальну реальність. Соціологічне дослідження цієї специфічної реальності складається з кількох етапів (підготовка дослідження, збір первинної інформації, обробка зібраних даних, аналіз).